

Дикий Носок
Рассказы
о специальной военной операции (СВО)
для детей

Дикий Носок
Рассказы о Специальной
Военной операции для детей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69210193

SelfPub; 2023

Аннотация

Рассказы о Специальной Военной операции (СВО) для самых маленьких. Просто о самом важном.

Содержание

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ.	5
ЗНАМЯ.	7
ИРИСКА.	9
СВЕЧА.	11
ГЕРОЙ.	13
Змей Горыныч.	16
Лепесток.	18
Дядя Миша и кошки.	20

Дикий Носок

Рассказы о

Специальной Военной

операции для детей

Рассказы о Специальной военной операции (СВО) для самых маленьких.

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ.

Двор был старый. Как и дома вокруг. Обжитые пятиэтажки, сложенные из серых блоков, по периметру двора стояли тут еще до того, как Славик родился, и даже до того, как родилась его мама. Их построили, когда бабушка была молодой. Тогда же посадили и деревья – ныне высоченные тополя, каждый год устилающие весь двор белым пухом. Ветер разносил его, подбрасывая в распахнутые окна, утренние постели и оставленные остужаться кастрюли с компотом.

Кроме тополей во дворе был еще целый огромный мир: лавочки для бабушек; детская площадка с горками, лесенками и качелями; похожие на лабиринт заросли сирени, в которых ребятня понаделала ходов и тайных убежищ; натянутые между столбов веревки для сушки белья с вечно хлопающими на ветру простынями.

Как и все ребята, летом Славик целыми днями играл во дворе, выбегая на улицу только купить мороженого или холодного кваса из бочки. Нарастающий в небе гул гомонящий двор расслышал не сразу. А когда услышал, было поздно.

Прилет.

Снаряд – серый, длинный, пузатый, похожий на бутылку рухнул с небес, разломал старый тополь и застрял в расщепленном надвое стволе. Двор в ужасе замер. Ни слова, ни звука, ни велосипедного звонка. Только обломки веток и ли-

стьяев сыпались с израненного дерева.

Миг. Второй. Третий.

Первой опомнилась тетя Тома. Аккуратно поставила на асфальт тазик с мокрым бельем, словно боясь спугнуть снаряд громким звуком, подхватила на руки внучку Лесю и понеслась со двора не разбирая дороги: по клумбе с астрами, лужам и сухим листьям, сметенным дворником в шуршащие кучи.

Ее примеру последовали остальные, также молча и быстро. Брошенные велосипеды остались лежать на траве, в песке сиротливо валялись ведерки, лопатки и формочки, костяшки домино смело под стол.

Потом Славик с мамой и бабушкой, с тетей Томой и ее внучкой, с другими соседями долго сидели в школе, куда в сентябре он пойдет учиться, пока военные решали, что делать со снарядом: взрывать здесь или попытаться вывезти.

«Что это, мама?» – спрашивал Славик про снаряд.

«Зло, сынок. Зло в чистом виде. И смерть,» – отвечала мама.

«Откуда он прилетел? Кто желает смерти нашему двору?» – недоумевал Славик. – «Разве мы сделали что-то плохое?»

Мама и бабушка только вздыхали.

Пусть снаряд и не взорвался. Но все равно убил. Убил радость и беззаботность летнего вечера, спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Убил старый тополь.

ЗНАМЯ.

«Пойдем, Маруся. Пойдем домой от греха подальше,» – потянула за веревку баба Надя.

Коза послушно засемила следом. К грохоту снарядов они обе уже привыкли. Грохотало то тут, то там. То с одной стороны от села, то с другой. Однажды прилетело совсем близко. Порушило мост через речку.

И люди из села начали утекать. Уезжали семьями и поодиночке. То один, то другой дом оказывались заколоченными. В первую очередь увозили детей. Баба Надя уезжать не собиралась. Куда она побежит на старости лет? А дом на кого бросит, где прожила все свои 84 года? А козу Маруську, а кур, а приبلудную безымянную собачку?

Вся ее жизнь прошла здесь. Тут родилась. Сюда вернулся отец с фронта, с той – большой войны. Она хоть маленькая была, но то ощущение абсолютного счастья помнила до сих пор. Здесь выросли ее дети. И никогда она не могла подумать, что война вернется.

Скрежет и лязг гусениц поутру в притихшем селе баба Надя услышала издалека. В село входили войска. Сердце у бабы Нади захолонуло. Наши? Неужели в село входят наши войска? Наконец-то!

Баба Надя засуетилась. Сунула ноги в теплые уличные чоботы, накинула на плечи платок. Ох, а самое главное то за-

была! Вспомнила, полезла в шкаф. Красное знамя, которое отец принес с фронта в далеком сорок пятом, бережно хранимое и оберегаемое от моли, лежало там. Баба Надя расправила его и поспешила на улицу. Собачка увязалась следом.

Мимо дома по дороге шла техника. Завидев старуху, последняя бронемашина остановилась. С брони спрыгнули два бугая.

«Здравствуй, мать! Как вы тут? Держитесь?»

«Да ничего, милок, помаленьку.»

«А мы вот вам гуманитарную помощь привезли,» – протянул бабе Наде большой пакет один из вояк.

«Ой, да что вы,» – замахала руками баба Надя. – «Это вам нужнее. Вам – защитникам.»

«А что это у нас за тряпочка?» – взял в руки знамя один из бугаев. – «Ба! Серпасто-молоткастый! Где же ты его откопала, бабуся? А мы вот что с ним сейчас сделаем.»

Вояка бросил знамя на землю, в грязь и начал топтать ногами. Баба Надя помертвела. Только сейчас, повнимательнее взглянув на солдат подслеповатыми глазами, она разглядела желто-голубые нашивки на камуфляже. Это были не наши.

«Возьмите. Мне от вас ничего не надо,» – поставила баба Надя на землю пакет с гуманитарной помощью. – «За это знамя мой отец кровь проливал.»

Колонна украинской техники уже давно ушла. А баба Надя так и стояла у дороги, прижимая к груди поруганное знамя. Слезы текли по ее щекам.

ИРИСКА.

Ириска была домашней кошкой. Она любила спать на мягком кресле, лежать на нагретом солнцем деревянном подоконнике, точить когти о старый шкаф (хотя хозяйка почему-то была против).

А потом все куда-то подевалось. Исчезла добрая хозяйка, теплые батареи, корм из пакетиков и даже старое кресло. Ириску взрывом выбросило в окно. Прямо на старую яблоню. Когда она пришла в себя, то долго трясла головой. Потому что ничего не слышала.

Кресло она потом нашла. Немного обожженное, перевернутое, пахнущее огнем, дымом, кровью. Поначалу так и пряталась под ним: от гула прилетов, шума взрывов, от того, как вздрагивала земля. Да и от снега тоже.

Но голод выгонял ее из убежища. Птички, нахально устроившиеся в яблоневых ветвях, оказались слишком шустрыми для Ириски. Она обследовала остывшие развалины родного прежде дома. Попробовала погрызть сырую картошку в развороченном взрывом погребе. Проверила содержимое птичьей кормушки – пусто. Едва ускользнула по крыше сарая от черно-белой, хитрой и, похоже, такой же голодной, как и она, собаки.

Когда на дороге раздался лязг и скрежет, Ириска привычно спряталась под креслом. Опасливо выглядывала она от-

туда на незнакомых людей в камуфляже. Они пахли дымом, железом, но и едой тоже. Голод заставил Ириску осмелеть. Она высунулась из своего убежища и потихоньку приблизилась к людям. Вредная черно-белая собака тоже крутилась поблизости.

«Смотри-ка, Михалыч, какой рыжик к нам идет.»

«Везде одна и та же история. Куда ни пойдем, всюду голодные кошки и собаки. Кис-кис-кис. Иди сюда, дружок, покормлю.»

Ириска и черно-белая собака проглотили банку тушенки на двоих одним махом. После чего Ириска запрыгнула на колени к спасителю, свернулась клубочком и заурчала, решив никуда от него не уходить. Черно-белая собака тоже преданно вертелась у ног солдата. Больше всего на свете Ириска хотела, чтобы у нее снова был теплый дом, мягкое кресло и почесывающий ее за ушком хозяин.

СВЕЧА.

«Мам, ты ведь не на помойке их насобираала?» – спросила Настя, с подозрением оглядывая батарею разномастных пустых консервных банок на столе.

Каких тут только не было: из-под зеленого горошка, сгущенки, томатной пасты, корма для собак.

Мама засмеялась: «Разве ты не помнишь, я еще месяц назад попросила бабушку, тетя Иру и твою крестную не выбрасывать банки из-под консервов? Сегодня я обошла всех и собрала то, что накопилось. А, значит, – у нас есть работа.»

«Какая работа?»

«Сейчас узнаешь. Принеси ножницы и коробку из-под пылесоса с балкона.»

Пока Настя с мамой аккуратно загибали плоскогубцами края банок, нарезали длинными полосами толстый гофрированный картон и скручивали их в рулончики, терли тонкие белые свечи на крупной терке, девочка ничего не понимала и закидывала маму вопросами: «Что это будет? Что мы делаем?»

Когда уже за полночь они заливали расплавленным воском последнюю партию окопных свечей, Настя все о них знала. Как согревают они солдат в блиндажах, как на них можно согреть еду или кружку воды для чая.

Закончив работу, мама зажгла одну свечу, поставила на

подоконник и выключила свет на кухне. Настя с мамой стояли у окна, глядя на мерцающий огонек и думали о папе. Возможно сейчас он где-то там, в блиндаже, смотрит на такую же свечу, сделанную заботливыми руками чьих-то жен и дочерей и думает о них.

ГЕРОЙ.

«Куда ты, оглашенный?» – крикнула с кухни бабушка. – «Оладушки доешь.»

«Некогда, ба,» – отмахнулся Федюшка, выскакивая на терраску и на ходу заталкивая в рот маслянистый оладушек. – «Дядя Вася уже приехал.»

Дяди Васин темно-зеленый УАЗик и правда уже урчал за калиткой. Сам дядя Вася – балагур и сказочник топтался у водительской двери.

«Кто за пятерками? Полезай в машину, не опаздывай,» – добродушно подтрунивал он, шевеля пшеничными усами. На заднем сидении уже расположились Иринка и Маринка – смешливые подружки-первоклашки. Они были единственными первоклассницами в их деревне, а Федя – единственным третьеклассником.

Всем была хороша их деревня: и речка, и лес, и заливной луг, и почта, и недавно построенный фельдшерско-акушерский пункт, и какой-никакой магазинчик, и народу живет почти сто человек. Но вот школы нет, и не предвидится. Потому что детей мало. Бабки в основном живут. Поэтому в школу за двенадцать километров в соседнее село ребят обычно возил кто-нибудь из взрослых: дядя Вася, дядя Толя или тетя Люда.

В подпрыгивающем на рытвинах проселочной дороги УА-

Зике громко вещали новости о специальной военной операции на Украине, поэтому Федюшка даже на сразу понял, что произошло. Машина вдруг завиляла, крутанулась на месте, едва не завалившись на бок, съехала с дороги и ткнулась носом в ствол сломанной березы.

Федя больно ударился головой о стекло. На заднем сидении завизжали девчонки. Он приподнял сползшую на глаза шапку и замер, уставившись на дядю Васю. Его голова лежала на руле, руки безжизненно свисали, глаза смотрели на Федю. Но уже ничего не видели. В лобовом стекле зияла россыпь дырочек, от которых веером расходились трещины.

Федя перевел взгляд. Из лесопосадки на другой стороне дороги выходили солдаты. Они были в камуфляже, с оружием и с рюкзаками за спиной. И целились в автомобиль. Со всем как в кино. Федя пригнулся, цыкнул на заплакавших девчонок, приоткрыл дверь и выскользнул из машины. Потом открыл заднюю дверцу: «Вылезайте. Быстрее. Рюкзаки бросьте, они тяжелые.»

Испуганные девчонки замолчали, перестали плакать и полезли из машины.

«Пригнитесь,» – скомандовал им Федя. – «Бежим в посадку, а потом в овражек, где ручей, знаете? Там спрячемся, а потом по оврагу убежим.» Ирина – Марина заторможенно кивнули.

«Ну чего стоите? Бежим».

Федя бежал последним, подгоняя девчонок. Вдруг что-то

ударил его в плечо. Да так сильно, что он кубарем скатился на дно овражка. Дыхание перехватило. Плечо онемело, рука повисла плетью. Федя поднялся, опираясь второй рукой о землю.

«Побежали быстрее, я сказал,» – сурово прикрикнул он на девчонок. И они припустили бегом сначала по дну овражка, потом по лесопосадке вдоль картофельного поля, мимо силосных ям. А там уже, выскочив на дорогу, остановили первую попавшуюся машину. И только сейчас Федя подумал, что его, кажется, подстрелили.

Змей Горыныч.

Речка была широкой, но неглубокой, с пологими заболоченными берегами и сварливыми лягушками. Она неспешно несла свои воды посреди равнины, раз в год, в положенный срок – весной разливаясь по окрестным заливным лугам.

Змей Горыныч медленно полз по дну реки, высунув из воды зеленую спину, высоко подняв голову и приминая тяжелым телом речную траву. День был ясным, на небе ни облачка. Но где-то вдали грохотало. Наверное, приближалась гроза.

Змей Горыныч выбрался на противоположный берег реки и, стряхивая на ходу остатки водорослей, устремился к лесу. А потом пополз по краю лесопосадки рядом с буйно поросшим пахучим разнотравьем лугом, выворачивая комья сытой черной земли.

Через некоторое время он добрался до городских окраин. Грохотало и свистело уже совсем близко. Змей Горыныч поднял голову, осмотрелся и вдруг полыхнул огнем, выплюнув далеко вперед длинный-предлинный язык. Огненная змея взлетела, упала и взорвалась.

Вместе с ней сдетонировали все заложенные неприятелем мины и брошенные боеприпасы. Выжженная полоса длиной под сто метров и шириной шесть была разминирована и безопасна. Змей Горыныч пополз по ней первым. У него был

еще один заряд. Отстрелявшись, Змей Горыныч, грохоча гусеницами, отошел назад.

Внутри переговаривался экипаж:

«Ну все, Серега, отходим перезаряжаться.»

«Отходим, Петрович, хорошо отработали.»

Лепесток.

Лепестки кружились над перелеском как маленькие вертолётчики и не спеша опускались на землю: зарывались в кучи прелой листвы, прятались в высокой траве, плюхались на проселочную дорогу, поднимая тучи пыли.

Лепестки эти были особые: не узкие, белые длинные, как у ромашки; не невесомые, пушистые облачка одуванчиков; не крупные, нежные и пахучие розовые; не изогнутые лодочкой, словно у тюльпана. Они были пластиковые, смертельные, заряженные взрывчаткой. Опустившись на землю, лепестки притаились и стали ждать. Ждать неосторожную жертву, что наступит на них и взорвется.

Работа сапера не терпит спешки и суеты. Поэтому саперы – ребята спокойные и рассудительные. На этой лесной дороге бригада саперов работала уже второй день. Дорога была важна для предстоящего наступления, даже такая узкая, заросшая по обочинам кустарником, тенистая из-за сходящихся наверху крон деревьев. Такая даже более важна, чем иное асфальтированное шоссе. Здесь техника сможет продвигаться скрытно, ускользая от вездесущих глаз беспилотников.

И только присели ребята саперы пообедать, как в кустах зашуршало и из них выполз ежик. Бесстрашно оглядев людей глазками-бусинками, он сделал несколько шагов и замер. В его жестких иголках на спине застряло не яблочко, листик

или грибок, а смертельно опасный лепесток.

Саперы удивленно присвистнули и ... разминировали ежика.

Даже не сказав спасибо, тот немедленно юркнул в кусты.

И такое на войне бывает.

Дядя Миша и кошки.

Хорошо, что вода начала прибывать не ночью, а то потоп бы во сне. Может и из дома выбраться не успел бы. Вода подступила резко и сразу со всех сторон. Сначала покатила вдоль улицы по обочинам асфальтовой дороги, потом одним махом перелила ее и стала просачиваться под ворота и заборы. А с другой стороны уже ползла по саду и огороду.

«Вот беда!» – всплеснул руками дядя Миша и даже растерялся в первый момент: что спасать, за что хвататься? Глянул в огород – вода уже накрыла с макушками дружно взошедшую картошку. Тут уж ничем не помочь. Метнулся в сарай, распахнул дверь. Вода уже и там. Схватил мотоблок, покатил, поволок в дом. Потом бензопилу, триммер, электроинструмент. У него, как у всякого порядочного хозяина, много всякого полезного инструмента в сарае хранилось. Пока в дом занес, глядь – а вода уж дома из подвала сочится. А впереди нее мыши бегут, спасаются. А на мышей пес лет Борька. Ну чисто сумасшедший дом! А заготовки то прошлогодние теперь в подвале пропали.

Но переживать было некогда. Вода прибывала стремительно. Вот и высокое крыльцо уже скрылось под ней. Очевидно случилось то, о чем давно предупреждали: плотина Каховской ГЭС была разрушена. Недаром супостаты ее все обстреливали, да обстреливали. Добились своего. Потому то

и село давно обезлюдело, люди эвакуировались заблаговременно.

К вечеру дядя Миша сидел на чердаке с Борькой и смотрел в окошко. От села остались лишь ровные рядки торчащих из воды крыш, да зеленые островки – кроны высоких деревьев.

Вот беда, так беда! За все его шестьдесят лет на этом свете такого не случалось.

Следующим утром дядя Миша накачал резиновую лодку и поплыл по деревне. Мусора в мутной воде было видно-невидимо: ветви и стволы деревьев, плывущие изгороди, вырванные водой целыми секциями, туши утонувших коров, обломки досок и мебели.

А это что такое? На медленно дрейфующем притопленном дощатом заборе повизгивала и отчаянно виляла хвостом маленькая собачонка.

«Ах ты, бедолага! Стой спокойно, сейчас я тебя подберу,» – заторопился дядя Миша. Но собачонка ждать не стала. Отважно бросилась в воду и поплыла навстречу лодке. Мужчина выловил ее – мокрую, благодарно лижущую ему руки и поплыл дальше.

Рыжую с белым кошку он снял с тополя. Долго уговаривал спуститься, подсовывал ей весло, как мостик, потому как сам не мог до нее дотянуться. Кошка мяукала, металась по ветке, боялась. Но в конце концов отважилась, и сама сиганула с дерева прямо в лодку.

За утро насобирал дядя Миша трех кошек, двух собак и одну глупую козу, которая вовремя вспомнила своих высокогорных предков и взобралась на крышу дома, оглашая окрестности печальным «ме-е-е».

Так всей компанией их и эвакуировали через сутки спасатели.